

КАК **ЗОЯ**

Дарья Верясова

• *Зоя Космодемьянская • Лейли Азолина • подвиг*
 • *патриотическое воспитание*

«**Н**е плачь, родная, вернись героем или умру героем» — были последние слова Зои Космодемьянской, сказанные матери перед уходом на фронт. Сейчас сложно объяснить, почему молодые люди мечтали отдать свою жизнь за Родину, но факт остаётся фактом: в первые же дни войны в военкоматы и комитеты комсомола поступили тысячи заявлений с просьбой отправить их в действующую армию. Когда в октябре возникла опасность захвата немцами Москвы, из добровольцев были составлены четыре

стрелковые дивизии — это почти восемьдесят тысяч человек. Среди желающих — огромное количество девушек. В том числе и Зоя.

Её судьба проста, так же как судьба многих её сверстников: родилась, училась, вступила в комсомол, ушла на фронт, погибла. Таких девочек было много даже в той самой части, где служила Зоя. Достаточно вспомнить Веру Волошину, которая вышла на одно задание с Зоей, попала в плен, погибла героически, запев перед казнью «Интернационал», но десятилетия считалась пропавшей без вести. Шестнадцатилетняя Лариса Васильева из той же части попала в плен в деревне Поповка в январе 1942 г., была изнасилована, подвергнута жестоким пыткам, а после этого раздетой брошена на мороз умирать. Последними её словами было: «Вы меня убьёте, но ни одна фашистская гадина не уйдёт живой с нашей земли!» Жители деревни после войны называли дочерей Ларисами в её честь, но кто из жителей России знает о ней? Их было много — таких девушек. Повезло одной Зое.

Да, повезло. Не услышь про её казнь корреспондент газеты «Правда» Пётр Лидов — талантливый и дотошный журналист, и Зоя также могла остаться пропавшей без вести. Но он услышал и отправился в Петрищево. Вместе с ним там побывал корреспондент «Комсомольской правды» Сергей Любимов, также написавший очерк о партизанке Тане. Любимовский очерк преисполнен такого пафоса, что современному читателю становится смешно, он бы прошёл незамеченным, не будь другого очерка — в «Правде». Очерк Лидова выстроен и написан так, что Великая Отечественная война привязывается ко всем войнам, когда-либо происходившим на Русской земле, а сама Зоя — «дочь великого русского народа» — становится святой.

Святая Зоя

В роду Зои было много священников — сама фамилия указывает на святых Косму и Дамиана. Дед Зои Пётр Иванович Космодемьянский был настоятелем Осино-Гайского храма и трагически погиб в 1918 г.: он отказался дать лошадей банде бандитов и после жестоких истязаний был утоплен в пруду. В Осино-Гаях он нынче почитается святым, в 2000 г. готовились документы для его канонизации Русской церковью, однако результаты этого неизвестны. После смерти отца старший сын Анатолий оставил учёбу в семинарии и принял на свои плечи заботу о семье: кроме матери надо было кормить ещё трёх несовершеннолетних братьев. Работая в комбедде, сблизился с Любовью Чуриковой и женился на ней, вскоре у них родились дети, а ещё через некоторое время молодая семья оказалась в Сибири. Выслали Космодемьянских в далёкое село Шиткино или они поехали по своей воле? Боялись раскулачивания или антирелигиозного преследования? На эти вопросы нет ответа по сей день.

После отъезда Анатолия с семьёй в Сибирь следы его матери и братьев теряются. Известно лишь, что больше никто из братьев не женился и детей не оставил.

Знала ли Зоя о мученической смерти деда? Почти каждое лето девочка проводила в Осино-Гаях, вряд ли миновали её рассказы односельчан, которые много лет передавали из уст в уста историю о местном святом. Также сомнительно то, что сын священника и ученик семинарии Анатолий решился бы оставить своих детей некрещёнными. Однако точной информации не сохранилось, а погибла Зоя со словами о Сталине, а не о Боге, не оставив свидетельств своей веры. Этот факт является решающим в отказе Церкви причислить советскую мученицу к лику святых.

День рождения

Зоя родилась на Тамбовщине в 1923 г., через два года на свет появился её брат Александр. Дата рождения Саша — 27 июля 1925 г. Но

день рождения Зои до сих пор подвергается сомнениям: 8 или 13 сентября родилась героиня? Метрические книги из местной Знаменской церкви были изъяты ещё до её рождения, но в паспорте в графе «год рождения» отчётливо различима дата — 13 сентября 1923 г. Некоторые историки утверждают, что настоящая дата рождения — 8 сентября, а 13-е — это дата регистрации новорожденной в ЗАГСе. Директор Осино-Гайского музея Космодемьянских Сергей Полянский, друживший с матерью Зои, заявляет, что настоящая дата 8-е, но 13-е чисто было знаковым для семьи, поэтому рождение дочки записали на 13 сентября. В чём именно заключалась знаковость, мать Зои так и не рассказала. Может быть, это и было крещение? Впрочем, это только предположения.

Жизнь в Москве

В сибирском Шиткине Космодемьянские прожили всего год, а потом перебрались в столицу. Вероятнее всего, тому поспособствовала сестра Любоми Тимофеевны — Ольга, работавшая в Наркомпросе. Анатолий Петрович устроился бухгалтером в Тимирязевскую академию и получил комнату в одном из деревянных домов по Старому шоссе (теперь улица Вучетича), а после — на Александровском проезде (теперь улица Зои и Александра Космодемьянских). Ни один из этих домов не сохранился, точно так же не сохранились настоящие дома Космодемьянских и Чуриковых в Осино-Гаях или оригинальное здание московской 201-й школы, в которой учились Зоя и Саша, — больше десяти лет оно простояло заброшенным, после там произошёл пожар, теперь здание реконструируют, практически отстраивая его заново. Ещё в 50-х снесены кунцевские дома на улице Партизанской, где базировалась Зоина часть. Время уничтожает следы своих героев.

В 1933 году от заворота кишок умер Анатолий Петрович, его похоронили на Калитниковском кладбище. Позже, в 1937 г., сгорели все архивные книги, после смерти Любоми Тимофеевны в 1978 г. никто не посещал могилу, и найти её теперь не представляется возможным. По словам однополчанки Зои

Клавдии Милорадовой, могила находилась сразу возле входа на кладбище. Там теперь стоит монумент солдатам, погибшим в Великую Отечественную войну. Скорее всего, заброшенная могила Анатолия Петровича была снесена для установки монумента.

После смерти мужа Любовь Тимофеевна, всю жизнь работавшая учительницей, для того чтобы прокормить малолетних детей, решается кардинально сменить род занятий: она идёт работать компрессорщиком на завод — за рабочие профессии платят куда больше. К учительской деятельности она вернётся только через четыре года, когда по здоровью не сможет выполнять трудную работу: в 1939 г. она устроится преподавать в школе для взрослых на заводе «Борец». Приблизительно тогда же дети начнут помогать финансово: Зоя и Саша будут копировать чертежи и карты для Геологического фонда СССР. В ту пору в этом учреждении работал брат Любви Тимофеевны Сергей, он и предоставлял племянникам небольшой заработок, ведь помимо повседневных мелких трат возникла ещё одна достаточно крупная — обучение в старших классах стало платным и, несмотря на потерю кормильца, семья Космодемьянских от платы не освободили.

Кстати, единственный сохранившийся московский адрес, помнящий героических брата и сестру — это адрес их дяди Сергея: ул. Большая Полянка, дом 15.

Школа и болезнь

Лучше всего в школе Зое давалась литература, она очень любила читать, писала превосходные сочинения, узнавала условия поступления в Литературный институт. Саша увлекался математикой и живописью, его рисунками были украшены не только стены квартиры Космодемьянских, но и школа — в литературном классе висели иллюстрации к «Мёртвым душам» Гоголя. Он никак не мог решить: быть ему инженером или художником?

На самом деле эта картина была не столь радужной: часто упоминаемое «нервное заболевание» Зои, которое началось в 8 классе,

было вызвано непониманием со стороны одноклассников, разочарованием Зои в друзьях. Не все комсомольцы довели до конца работу по обучению неграмотных домохозяек — это была инициатива группора Зои. Не каждый серьёзно относился к учёбе, и это девушка тоже принимала близко к сердцу. После того как её не переизбрали группоргом, Зоя замкнулась и стала отдаляться от одноклассников. Ещё позже она переболела менингитом. Оба раза лечилась в Боткинской больнице, где в то время наблюдались также люди с психическими заболеваниями. Именно это дало повод недобросовестным историкам в 90-е годы обвинить героиню в шизофрении. Выданная для школы справка опровергает подобные домыслы: «По состоянию здоровья б[ольная] приступить к учебе может, но без утомления и перегрузки». Психически больного человека попросту не допустили бы до занятий в обычной школе.

Война

С началом войны Зоя перепробовала много занятий: она шила вещмешки и петлицы для плащ-палаток, вместе с классом собирала картошку на трудовом фронте, несколько дней проработала штамповщицей-учётчицей на заводе «Борец», поступила на курсы медсестёр. Но всё это казалось ей слишком малым вкладом в дело Победы. Она решает идти на фронт и ради этого в числе других добровольцев часами стоит в очереди на приём к секретарю МК комсомола Александру Шелепину, который одобрил её кандидатуру и направил в диверсионную часть №9903. Тем не менее командир части Артур Спрогис поначалу отказался её принять — слишком красивой и приметной она была для разведчицы. Зоя до поздней ночи просидела возле его кабинета, и всё же была принята в часть. Это было 30 октября 1941 г.

Дальнейшая её жизнь также известна: в 9 утра следующего дня мать проводила Зою к остановке трамвая, на нём она доехала до станции метро «Сокол», оттуда — до «Чистых прудов». На грузовике, везущем группу разведчиков от кинотеатра «Колизей» (сейчас это здание театра «Современник»),

она приехала в Кунцево (сначала отряд базировался в Жаворонках, в помещении детского сада, но с приближением немцев к Москве был вынужден сменить место дислокации на более близкое и безопасное Кунцево). Несколько дней обучения: минирование и стрельба, которой Зоя занималась не только в своей группе, а по личному желанию ещё и с другими группами — и 4 ноября, приняв присягу и считаясь отныне красноармейцами, группа разведчиков ушла в тыл врага. В их задачи входили разведка и минирование дорог. Первый рейд в район Волоколамска оказался удачным, 8 ноября группа вернулась на базу. Несмотря на то что Зоя провалилась в речку и сильно простудилась, она отказалась ложиться в госпиталь, и врач в/ч №9903 лечил её там же, на базе. Также известно, что всем бойцам, вышедшим из-за линии фронта, полагался однодневный отпуск в Москву. По свидетельству однополчанки Зои Клавдии Милорадовой, не имевшей родственников в Москве, в тот день Зоя пригласила её в гости, но ни мамы, ни брата дома не оказалось, видимо, они допоздна были на работе. Зоя оставила родным записку, и разведчицы отправились обратно в часть тем же образом: на ждущем их у «Колизея» грузовике. О той записке Любовь Тимофеевна — мама Зои ни разу после войны не упомянула.

Второй рейд

19 ноября (по другим данным, в ночь на 22 ноября) в тыл к немцам отправились две группы: Павла Проворова, в состав которой входили в том числе Зоя и Вера Волошина, и группа Бориса Крайнова. Шли вместе, собираясь разделиться уже в тылу. Сразу же после перехода линии фронта общая группа была обстреляна и разделена надвое: бойцы побежали в разные стороны от огня и стихийно соединились в две группы в лесу. Зоя оказалась в одной группе, Вера — в другой, ушедшей в сторону Головкина. Там отряд снова попал под обстрел, и Вера, шедшая в головной разведке, осталась лежать на поле. Вернуться за ней не представлялось возможным — слишком быстро к месту боя приехали немцы, а утром товарищи не обнаружили её тела. Судьбу Веры Волошиной через много

лет выяснит московский журналист Георгий Фролов.

Зоя оказалась в группе Бориса Крайнова, которая двигалась к Петрищеву, где надо было повредить узел немецкой связи — планировалось контрнаступление. В пути многие бойцы простудились, и командир принял решение отправить их обратно на базу. Так в группе осталось пятеро человек: сам Борис, Зоя, Клава Милорадова, Лидия Булгина (Клава и Лида днём позже, уйдя в разведку, заблудились в лесу и вышли в расположение своих частей вдвоём, принеся ценные документы, отбитые у немецкого офицера), а также Василий Клубков, о котором стоит сказать особо.

Василий Клубков

Этот человек действительно числится в списке бойцов в/ч №9903, он существовал. Речь о вероятном предательстве зазвучала сразу после его возвращения «из плена». Проверку в разведотделе фронта он прошёл, но 28 февраля 1942 г. был арестован сотрудниками особого отдела НКВД, а 3 апреля военный трибунал Западного фронта приговорил его к расстрелу. На допросах он сознался в том, что в Петрищеве его схватили, он струсил и выдал немцам Зою и Крайнова, вместе с которыми пришёл в деревню.

«Часа в 3-4 утра эти солдаты привели меня в штаб немецкой части, расположенной в дер. Петрищеве, и сдали немецкому офицеру... он наставил на меня револьвер и потребовал, чтобы я выдал, кто вместе со мной прибыл поджигать деревню. Я при этом проявил трусость и рассказал офицеру, что нас всего пришло трое, назвал имена Крайнова Бориса и Космодемьянской Зои. Офицер немедленно отдал на немецком языке какое-то приказание присутствующим там немецким солдатам, они быстро вышли из дома и через несколько минут привели Зою Космодемьянскую. Задержали ли они Крайнова, я не знаю».

Таким образом, из протокола допроса от 11-12 марта 1942 г. следует, что схватили Клубкова в 3-4 часа утра 27 ноября в деревне Пепелище, а Зою привели с улицы через несколько минут, тогда же её раздели и на-

чали избивать, а после увели в неизвестном направлении.

Совершенно другие сведения мы получаем из показаний жительницы села Петрищево Марии Седовой от 11 февраля: «Привели ее вечером, часов в 7 или 7.30 минут. Немцы, которые жили дома у нас, закричали: «Партизан, партизан». Брюки я не знаю, какого цвета, темные... Подшлемник они бросили, и он все время валялся. Варежки взял повар немецкий. Была у нее защитного цвета плащ-палатка, она испачкана в земле. Плащ-палатка сейчас у меня. Держали ее у нас минут 20».

Что это, как не первоначальный недолгий обыск, после которого девушку увели на допрос в другую избу? Но никакого другого русского разведчика в свидетельстве нет.

Ни слова о Клубкове нет и в показаниях других деревенских жителей. А в записях Петра Лидова встречается упоминание о Клубкове: «9 июля 1942 г. Сегодня в трибунале войск НКВД Московского округа читал дело Свиридова, предавшего Таню и приговоренного 4 июля к расстрелу. О том, что он участвовал в поимке Зои и первым заметил ее, мне говорили в Петрищеве еще 26 января. Я был у него, и он вел себя весьма подозрительно. Меня ничуть не удивило, что мои подозрения оправдались. Дело Свиридова полностью опровергает версию, будто Зою выдал ее товарищ по отряду Клубков. Клубков — изменник, но Зою выдал не он».

Клубкова поймали 27 ноября, а Зою взяли вечером, накануне казни, через два года выяснится и точное число, а тогда жители оккупированных территорий не получали газет и не слушали радио, поэтому даты называли приблизительно — отсюда и «первые числа декабря», упомянутые во всех документах. Точная дата — 29 ноября — стала известна только в 1943 г. от захваченного в плен унтер-офицера 10-й роты 332-го пехотного полка Карла Бауэрлейна — именно этот полк стоял в Петрищеве осенью и зимой 1941 г. Получается, что схватили Зою 28 ноября, около 19.00. В дальнейшем дату 29 ноября подтвердили и другие захваченные в плен солдаты и офицеры этого полка. О Клубкове они не упоминали — либо эти сведения до сих

пор засекречены, либо Клубков попал в плен в другом месте и Зою не выдавал.

Дальнейшая судьба захваченной в плен девушки известна и практически ничем не отличается от описанного в хрестоматийном очерке Петра Лидова «Таня».

Опознание Зои проводилось несколько раз: сначала её комсомольский билет с фотографией из стопки других представленных билетов выбрали местные жители, потом опознали вырытое из могилы тело Зоины школьная учительница Новосёлова и одноклассник Белокунь, один из немногих бывший в ту пору в Москве, а не на фронте или в эвакуации, затем — боевые товарищи и, наконец, брат Александр и мать Любовь Тимофеевна. С последними сначала проводилась беседа, где им были представлены фотографии казнённой девушки, сделанные фотокорреспондентом «Правды», — и Зою в «Тане» они уверенно узнали оба. Дело было ответственным, на всех опознаниях присутствовали представители МК и ЦК комсомола. Оставайся возможность хоть какой-то ошибки, и никакого звания Героя Зоя Космодемьянская не получила бы, а поиск родственников погибшей «Тани» продолжался бы и дальше.

Враньё о вранье

В 90-х появилось много желающих разоблачить официальную версию: начиная с того, что Зою предал её однополчанин Василий Клубков, заканчивая тем, что вовсе не она погибла в Петрищеве. Историки новой волны преподносили полумифические версии как сенсацию и полностью игнорировали то, что всё это обсуждалось в 60-х и было благополучно забыто за отсутствием доказательств. К примеру, утверждалось, что годами была засекречена информация о женщинах-пого-рельцах, которые издевались над пленной Зоей. Это неправда: о суде над ними подробно писал Павел Нилин в очерке «Под-лость». Информация о Клубкове печаталась не только в армейской периодике (статья Яна Милецкого «Кто предал Таню» была опубликована в газете «Красная звезда» 22 апреля 1942 г.), но и в популярной детской повести

Вячеслава Ковалевского «Не бойся смерти», изданной в 1961 г.

В той же повести подробно описывались действия «партизанского отряда»: обучение добровольцев, место базирования, действия в тылу врага. Назывались даже фамилии бойцов и командиров, последние — в слегка изменённом виде: Спрогис стал Прогисом, а комиссар Дронов — комиссаром Клёновым. Единственное новшество, которое привнесли в эту историю 90-е, — это новое обозначение деятельности отряда, в литературе и журналистике он стал называться диверсанта́нской частью №9903. По сути, так и было.

Информация о части №9903 действительно не была доступна никому, но про поджоги домов, в которых квартировали немцы, также писали в газетах военной поры. Самым любопытным представляется цикл очерков корреспондента «Комсомольской правды» Карла Непомнящего, подробно рассказавшего о рейде похожего отряда диверсантов в тыл врага, о разгроме немецкого штаба и поджоге домов со спящими немцами в селе Угодский Завод. Очерки публиковались на протяжении декабря 1941 г. Вряд ли кому-то из читателей «МК» в ту пору пришло в голову возмутиться: «Варварство!». Все понимали, что идёт война «не ради славы, ради жизни на земле».

Такими же беспочвенными являются попытки опорочить брата и мать Зои. Свою Звезду Героя Александр Космодемьянский получил в том числе и за то, что во время наступления на Кёнигсберг вызвался первым переправиться через канал на занятую немцами сторону. Мост, сооружённый сапёрами, рухнул сразу же за ним, немцы — у них было пять орудий — открыли огонь. Саша успел шквальным огнём подавить всю батарею. Как вспоминал его боевой товарищ Александр Рубцов, «три дня оставалась самоходка на той позиции и держала бой. Потом подошли наши танки, восстановили переправу, и Саша вернулся в свой полк». Через неделю, освободив Фирбрунденкруг, Саша был убит осколками снаряда. Первоначально он был похоронен в центре Кёнигсберга на площади Бисмарка, мать попросила, чтобы Сашу перезахоронили рядом с Зоей, и сама перевезла его тело в Москву.

Мать самых известных героев Великой Отечественной войны до конца своих дней жила на небольшую учительскую пенсию, перечисляя в Фонд мира все гонорары за выступления и публикации о своих детях. Когда она умерла, её похоронили рядом с Сашей по причине того, что таковы правила Новодевичьего кладбища: кремированные тела хоронятся по одну сторону, не кремированные по другую. Из семьи была кремирована только Зоя.

Лейли Азолина

Зоя Космодемьянская стала символом поколения. Лейли Азолина много лет числится пропавшей без вести. Единственная память о ней — имя в общем списке погибших студентов на мемориальной доске на старом здании МГРИ возле Кремля. Но даже для того, чтобы чиновники разрешили поместить её имя на эту доску, сотрудникам МГРИ пришлось сознательно внести ошибочные данные в Книгу Памяти Москвы: «Похоронена в с. Петрищеве Рузского р-на Московской обл.» Надо ли говорить, что в Петрищеве нет и не было её могилы?

Имя Лейли Азолиной впервые прозвучало ещё в 60-х годах, когда в «Московском комсомольце» от 29 ноября 1967 г. была напечатана статья Л. Белой «Дорогами героев»: «Спустя несколько дней после того военного — 24-часового отпуска, который Лиля Азолина провела с мамой и сестрами, почтальон не принес газету маме, на Октябрьскую улицу, в дом 2/12, в 6-ю квартиру: в тот день в номере был напечатан очерк Петра Лидова о повешенной немцами партизанке Тане и снимок. Лицо повешенной партизанки было страшно похоже на Лилино».

Эта неосторожная фраза журналиста дала толчок многочисленным домыслам, возникшим на волне 90-х: некоторые историки вполне серьёзно заявляли о том, что в Петрищеве погибла совсем не Зоя. Их не убеждали ни факты, ни свидетельства очевидцев, ни даже судебно-портретная экспертиза фотографий казнённой героини, проведённая в 1992 г. и лишняя раз подтвердившая, что на фото заснята Зоя Космодемьянская. Некоторые

правдолюбцы развешивали советский миф не только в прессе, но и лично в обществе тех, кто точно знал, что не Лиля погибла в Петрищеве, — находились охотники лишней раз сообщить альтернативную версию её сёстрам Лидии и Татьяне, которые живы по сей день. Мать Валентина Викторовна умерла в 1996 году, прожив 96 лет, но так и не дождавшись известий о старшей дочери. После её смерти бесследно исчез архив, который она собирала все эти годы, и в котором, по свидетельству сестёр, хранились письма от сослуживцев Лили, её фотографии и некоторые документы, которые помогли бы окончательно прояснить судьбу девушки.

«Мама использовала все свои связи и знакомства — а она родом из Тифлиса, была знакома с Берией, — получила пропуск в только что освобождённый Звенигородский район и два месяца искала Лилю по всем частям и госпиталям. Почему там? Наверное, что-то знала, только нам не говорила. Но Лили нигде не было», — вспоминает Лидия. Она хорошо помнит старшую сестру, в отличие от Татьяны, которой в июле 1941 г. исполнилось всего четыре года.

После войны в архиве ЦК комсомола так и не смогли отыскать заявление всенародной героини Зои с просьбой отправить её на фронт, и по сей день неизвестно, какими словами она объясняла своё желание защищать Родину. Заявление Лили, вероятно, никто и не искал. Впрочем, сохранился розыскной листок на пропавшего бойца: из него известно, что призвана она Краснопресненским районным военкоматом в октябре 1941 г., что пришла на побывку домой 7 декабря и что, по словам товарищей, погибла через несколько дней после этого. Чуть больше ясности внёс в судьбу пропавшей девушки историк Александр Соколов, отыскавший в архивах фото Лили рядом с бойцом Отряда особого назначения Западного фронта. Фотография подписана тогда ещё живыми ветеранами ООнЗФ: «Разведчица Азолина Лилия» — и этот факт даёт историкам право включить девушку в список бойцов ООнЗФ. Сестры Азолины подтверждают, что на снимке — Лилия, точно такая же фотография хранилась в семье. Получается, что Лилия никогда не служила вместе с Зоей в в/ч №9903, как утверждали некоторые недобросовестные журналисты.

ООнЗФ — Отряд особого назначения Западного фронта. Во второй половине октября 1941 г., по указанию командующего Западным фронтом генерала армии Г.К. Жукова, на базе резерва Военного Совета, начали формировать специальный десантный батальон, преобразованный в Отряд Особого назначения Западного фронта (ООнЗФ) — фактически, в отличие от малых (до 100 человек) номерных Отрядов Особого назначения Западного фронта, это был Отряд Особого назначения Военного Совета Западного фронта, численностью 600 человек. Все приказы и распоряжения, отчёты и награждения — командующий Западным фронтом генерал армии Жуков и Член Военного Совета фронта Булагин. Отряд Особого назначения формировался из бойцов и командиров ранее уже принимавших участие в боевых действиях. Подбор кадров на полностью добровольной основе, после изучения и проверки. В состав формируемого подразделения вошли бойцы и командиры из резерва Военного Совета Западного фронта, из частей аэродромного обслуживания, из политуправления и разведотдела фронта. В задачи Отряда входили в частности: разведка, диверсии на дорогах и в населённых пунктах, уничтожение живой силы, техники и штабов врага, захват, удержание мостов и переправ до подхода наших войск, захват систем обеспечения аэродромов.

На данный момент невозможно точно установить боевой путь Лили: свидетели умерли, архивы засекречены, память состарившихся сестёр не может воспроизвести детали в точности. По обрывочным сведениям известно, что Лилия вступила в Краснопресненский добровольческий батальон в самое сложное для Москвы время — 16 октября 1941 г. Училась в школе связи вместе с некоторыми однокурсницами по Геологоразведочному институту и погибла накануне своего 19-летия — 11 или 12 декабря — документов не сохранилось, а дату рождения Лили её сёстры помнят лишь приблизительно — толи 12, толи 13 декабря. Многое нуждается в уточнении и дополнении, но, исходя из многочисленных совпадений и отрывочных воспоминаний сестёр и сослуживцев Лили, можно приблизительно представить, какую работу она выполняла и как погибла.

Вероятно, впервые в тыл врага Лиля пошла 12 ноября в составе только что созданного отряда, которым командовал полковник Иовлев. Рейд проходил в районе Угодского Завода, Чёрной Грязи и Высокиничей. Основной её задачей была техническая разведка: незаметно подключаясь к немецкому кабелю, Лиля, отлично владевшая немецким языком, собирала данные о передвижении войск противника, их вооружении и планах наступления. Её работа, как и работа многих других разведчиков, обеспечила скорое контрнаступление советских войск под Москвой.

Первый поход был удачным — отряд почти без потерь вернулся на базу. После него было ещё два рейда, и как раз во время краткого отдыха между ними Лиле удалось навестить маму и сестёр — это было 7 декабря. Больше свиданий не было.

Указ о присвоении Зое Космодемьянской звания Героя Советского союза был напечатан во всех центральных газетах 16 февраля 1942 г. Вместе с ней это звание получал комиссар партизанского отряда Михаил Гурьянов, повешенный немцами 27 ноября в селе Угодский Завод. Михаил Гурьянов участвовал в знаменитой операции по разгрому немецкого штаба в этом селе, был захвачен в плен и после жестоких пыток казнён. В этой же операции участвовал упомянутый выше специальный корреспондент газеты «Московский комсомолец» Карл Непомнящий. Он был прикомандирован редакцией к отряду особого назначения и прошёл с ним весь путь — около 250 километров по лесам Подмосковья и вернулся на базу только 26 ноября. Первый его очерк был напечатан в «Комсомолке» 3 декабря 1941 г. и сопровождался фотографией командира Николая Ситникова: десятком людей идёт цепочкой вдоль опушки леса. Третья фигура — женская, тепло укутанная в платок — Лиля. По свидетельству её сестёр, именно эту газету девушка принесла домой в день побывки, номер долгое время хранился в семье, но с годами был утрачен.

Таким образом, в дни героической гибели Зои (вечером 27 ноября начались пожары в Петрищеве, 28 ноября Зою схватили и 29-го казнили) Лейли Азолина только-только вернулась в Москву на аэродром Тушино — именно там базировался отряд, туда впослед-

ствии мама Лили ездила искать дочку. Но даже если допустить совершенно несостоятельную мысль о том, что Лиля не вернулась с первого же рейда ООнЗФ — погибнуть она должна была в Калужской области, а до Петрищева оттуда не менее 60 километров. Впрочем, это только допущения, не имеющие права на жизнь: кроме газеты в семье Азолиных долгое время хранилось письмо от сослуживца, своими глазами видевшего гибель Лили. По его словам, во время третьего рейда в тылу врага проводник вывел отряд на разведку противника, завязалась перестрелка, Лиля взмахнула рукой и упала в снег. Произошло это уже после 11 декабря — в этот день отряд покинул базу. Дальнейшая история покрыта мраком неизвестности: сам сослуживец в том бою был ранен и долгое время числился пропавшим без вести. Командовавший отрядом Георгий Есин вспоминал после войны: «Одиннадцатого декабря в пос. Ястребок. В этом районе мне дали разведданные и проводника. Но проводник навёл мой отряд на передовые части противника, а сам успел убежать. Мне вообще показалось странным, куда нас ведёт проводник... Фактически отряд был наведён на оборону противника, которую передовые части Пятой армии не могли прорвать. Мы ввязались в бой, понесли потери и отступили».

Это происходило в дни контрнаступления наших войск, искать в горячке боя следы пропавшей связистки никто не стал — да и возможности такой не было. Информация о послевоенных массовых захоронениях в том районе также отсутствует, и скорее всего, прах Лили, как и сотни других пропавших без вести бойцов, до сих пор находится неподалёку от посёлка Ястребки Звенигородского района. Но даже и этой информации достаточно, чтобы положить конец нелепым домыслам о том, что погибшей в Петрищеве девушкой была Лиля.

Как бы банально ни звучала фраза о том, что война не окончена, пока не похоронен последний солдат, но это правдивая фраза — не нами начата война, но нам её оканчивать: искать, хоронить, помнить. **НО**